

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (69)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакхельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (69)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Головченко Н.Н.^{a,*}, Пилипенко С.А.^b

^a Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031

^b Новосибирский государственный университет экономики и управления
ул. Ломоносова, 56, Новосибирск, 630007

E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru (Головченко Н.Н.); Pilipenkosergej@mail.ru (Пилипенко С.А.)

БЕРЕСТЯНОЙ СОСУД МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ УРОЧИЩА РАЗДУМЬЕ (ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)

Рассматривается берестяное изделие, обнаруженное при исследовании А.П. Уманским грунтового погребения 3, датированного монгольским временем (XIII–XIV вв.), на городище Раздумье-1, расположенном в Каменском районе Алтайского края. Предпринята попытка описания, реставрации и интерпретации изделия — берестяного сосуда типа «чуман». Получены новые достоверные данные о предмете, в научный оборот вводятся его схематическое и фотографическое изображения. Проанализирован ряд археологических и этнографических аналогий — однотипных берестяных вместилищ из разновременных погребальных комплексов. Авторы приходят к выводу, что широкое территориальное и хронологическое распространение представленного типа сосудов прежде всего объясняется доступностью сырьевой основы для их изготовления и простотой исполнения.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, монгольское время, урочище Раздумье, берестяной сосуд, погребальная обрядность.

Ссылка на публикацию: Головченко Н.Н., Пилипенко С.А. Берестяной сосуд монгольского времени из урочища Раздумье (Верхнее Приобье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 2. С. 103–114. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-9>

Введение

Находки из органических материалов в археологических памятниках юга Западной Сибири — явление довольно редкое. В полной мере данное наблюдение применимо и к различного рода вместилищам, изготовленным из бересты. Необходимость своевременного анализа и публикации подобных изделий очевидна, но не всегда оказывается возможной. Так, в многочисленном археологическом собрании Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета (АлтГПУ) есть один такой предмет, выявленный А.П. Уманским в ходе разведочных работ 1965 г. на городище Раздумье-1 (Каменский р-н, Алтайский край).

Актуальность обращения к вышеобозначенному, ранее фрагментарно опубликованному [Уманский, 1987], материалу обусловлена как редкостью сохранившихся берестяных изделий, происходящих из разновременных погребальных комплексов Верхнего Приобья, так и ограниченностью практики их реконструкции и интерпретации.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот новых материалов, полученных в ходе реконструкции хранящегося в собрании Историко-краеведческого музея АлтГПУ берестяного изделия из грунтового погребения на памятнике Раздумье-1. Задачи: проанализировать данное берестяное изделие, представить результаты реставрационных работ, сопоставить анализируемый образец с аналогичными находками.

Материалы

Результаты исследований, проведенных А.П. Уманским в урочище Раздумье в Каменском районе Алтайского края, еще нуждаются в целенаправленном осмыслении и комплексной публикации [Демин, 2023, с. 12]. Отдельные введенные в научный оборот материалы, к сожалению, пока не дают полноценного представления об этом сложном и интересном комплексе памятников. В силу того что анализируемые нами материалы единожды опубликованы более четверти века назад [Уманский, 1987, с. 89], имеет смысл кратко обозначить контекст обнаружения рассматриваемой находки.

* Corresponding author.

Раздумье-1 — участок урочища, занятый городищем. Городище расположено на мысу, высота которого во время работ, проводившихся там А.П. Уманским, достигала 12–15 м, а над прилегающим участком поля — 2–3 м (рис. 1, 1).

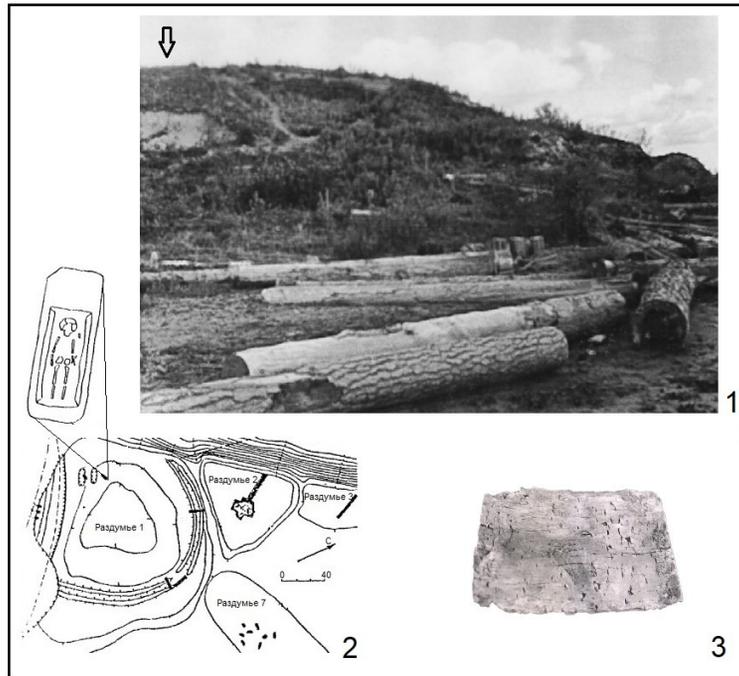

Рис. 1. Урочище Раздумье:

1 — мыс, на котором исследованы погребения 1–3 (фото из фондового собрания МБУК «Каменский районный краеведческий музей», 1960 г., КП 4830/1. Ф. 1093); 2 — план урочища и погребения 3 (по: [Уманский, 1987]); 3 — фрагмент берестяного «конверта» из погребения 1 (фото из фондового собрания МБУК «Каменский районный краеведческий музей», 1960 г., КП 4453/10. Ф. 1. 769).

Fig. 1. The area Razдумie:

1 — the cape where the burials 1–3 are explored (the photo from the archival collection Municipal Budget Institution of Culture “Kamenskii District Museum of Local History”, 1960, division code 4830/1. Ph. 1093); 2 — is the plan of the landscape and the burial 3 (according to: [Umanskiy, 1987]); 3 — is the fragment of birch bark so-called cover from the burial 1 (the photo is from the archival collection Municipal Budget Institution of Culture “Kamenskii District Museum of Local History”, 1960, division code 4453/10. Ph. 1. 769).

В пределах городища в ходе полевых исследований были обнаружены захоронения, самые ранние из которых, по мнению А.П. Уманского, относятся к эпохе энеолита. Однако, как отмечает исследователь, хоронили там людей и после того, как было сооружено городище, — в эпоху железа, в монгольское время [Уманский, 1987, с. 89].

Могила 3 выявлена во время разведочных раскопок 1965 г., практически на краю мыса (рис. 1, 2). Представляла она собой прямоугольную яму размерами 1,5×0,6 м, глубиной 1,2 м, ориентированную по линии северо-восток — юго-запад. Яма была перекрыта вдоль в два ряда березовыми жердями длиной до 1,7 м, толщиной 8–12 см. Перекрытие, по описанию А.П. Уманского, было застлано пластом бересты размерами 1,4×0,5 м, а дно ямы — берестяной подстилкой в два слоя. На подстилке лежал берестяной гроб, сшитый в форме «ладьи», с лентой-прошвой шириной 3–5 см по краю.

В гробу на спине, головой на северо-восток, с вытянутыми руками и ногами лежал скелет ребенка 7–8 лет плохой сохранности (определение возраста приводим по публикации А.П. Уманского). Около костей черепа отмечена прядь волос; у левого плеча — пятно коричневого тлена (возможно, от какой-то деревянной поделки), в области живота — берестяная «плошка»¹ квадратной формы с остатками кашицы темного цвета внутри [Уманский, 1987]. Сама «плошка» в

¹ Примечательно, что ранее, в августе 1960 года в погребении 1 Раздумья-1 А.П. Уманским уже был выявлен фрагмент похожего предмета. Оригинальная находка нам, к сожалению, неизвестна, но в фондах краеведческого музея г. Камень-на-Оби имеется его фотография (рис. 1, 3) (КП 4453/10. Ф. 1. 769).

Берестяной сосуд монгольского времени из урочища Раздумье (Верхнее Приобье)

работах А.П. Уманского не рассматривалась специально, более того, к сожалению, в первичной публикации автора не было представлено даже ее схематичное изображение. Хотя материалы этого и соседних погребений легли в обобщающую работу о погребальном обряде Алтая в монгольский период [Тишкин, 2009, с. 109–111].

Упомянутые берестяные детали погребальной конструкции и сосуд были осмотрены одним из авторов этой статьи в 2022 г. при изучении фондов археологических коллекций урочища Раздумье, хранящихся в Историко-краеведческом музее АлтГПУ (рис. 2). После чего они были переданы на реставрационную обработку С.А. Пилипенко.

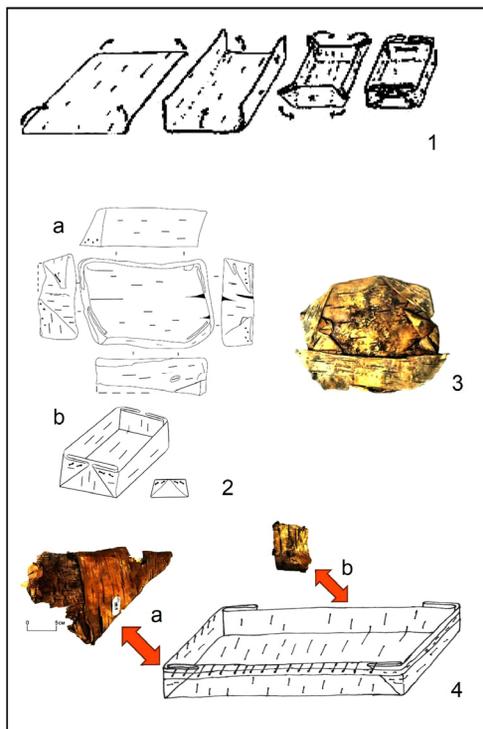

Рис. 2. Берестяные артефакты из погребения 3 могильника Раздумье-1:

1 — схема сборки сосуда типа чуман; 2 — схема сосуда из Раздумья-1 (а, б); 3 — вид сосуда из Раздумья-1 до реставрации (фото Н.Н. Головченко, 2022 г.); 4 — детали погребальной конструкции из Раздумья-1 до реставрации и ее графическое воссоздание.

Fig. 2. The birch bark artifacts from the burial 3 of Razdumie-1:

1 — the scheme of vessel assembly, the type is a small cup; 2 — is the scheme of the vessel from Razdumie-1 (a, b); 3 — the type of the vessel from Razdumie-1 before restoration (the photo by N.N.Golovchenko, 2022); 4 — is the details of the funeral construction from Razdumie-1 before restoration and its graphic reconstruction.

Переданные три берестяных артефакта подразделяются на две группы. Первые два были частью берестяной погребальной конструкции — часть стенки и углового заворота берестяного чехла, изготовленного по принципу короба (рис. 2), хорошо известного в монгольский период на территории Алтайского края по находкам на археологических памятниках Телеутский Взвоз-1 объект 11 [Тишкин, Грушин, 2002; Тишкин, 2009, рис. 77] и грунтовый могильник Калистратиха-3 погребение 5 [Грушин и др., 2015, с. 183, рис. 1, 4]. Аналогичные короба применялись в погребальном обряде средневекового населения Новосибирской, Томской и Кемеровской областей в начале II тыс. н.э. в предмонгольский и монгольский периоды (Кротовский Елбан-VI [Пилипенко, 2017, с. 133], Санаторный-1 [Савинов и др., 2008, рис. 65, рис. 122, 1–4], Сопка-2 [Молодин, Соловьев, 2004]).

Артефакты второй группы представлены одной берестяной емкостью (рис. 2, 3). По классификации берестяной посуды, предложенной Е.Г. Федоровой, она может быть отнесена к категории низких плоскодонных предметов [Федорова, 1994, с. 77]. В то же время по технологическим особенностям изготовления из цельного куска бересты она относится к IV типу, выделенному А.А. Локтионовой на материалах берестяной посуды хантов и селькупов Западной Сибири XVII–XX вв. [Локтионова, 2014, с. 112, 113]. Такие берестяные вместилища в Сибири имеют разное наименование: кузов, чуман, куженька и др. Применительно к рассматриваемому в настоящей работе сосуду нами

употребляется термин «чуман». Под чуманом понимается сосуд с низкими стенками и прямоугольным или квадратным доньшком, изготовленный из невыделанной бересты, сложенной коробом и скрепленной в местах сгибов, предназначавшийся для хранения продуктов [Кочешков, 1997].

В момент передачи емкость представляла собой сплюснутый, на вид двуслойный предмет. Поверхность сосуда была покрыта грязью и органическими высипаниями белого цвета, внутренние складки заполняла земля (рис. 2, 3). Береста была сильно пересушена. Очевидно, изделие поступило в фонды музея и хранилось там без расчистки с момента раскопок в одной коробке с другими находками.

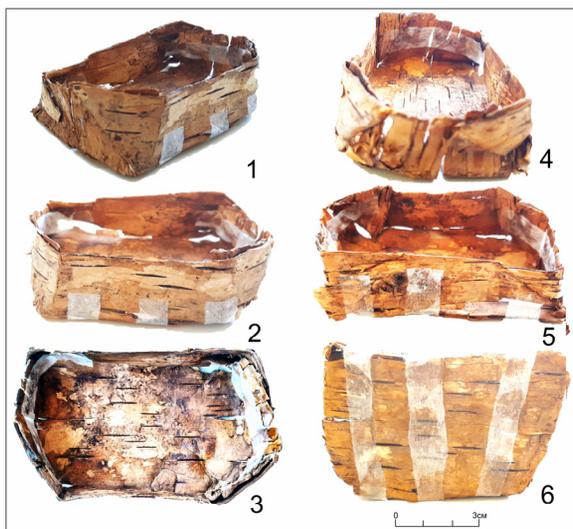

Рис. 3. Берестяной сосуд из погребения 3 могильника Раздумье-1 после реставрационных работ. Фото с разных ракурсов (фото Н.Н. Головченко, 2023 г.).

Fig. 3. The birch bark vessel from the burial 3 Razdumie-1 after restoration. The pictures from different angles (photo by N.N. Golovchenko, 2023).

Берестяной сосуд был подвергнут поверхностной сухой расчистке щетками разной жесткости. В местах более сильных загрязнений и в складках сосуда для сухой расчистки применялись стоматологические зонды. Осмотр после расчистки показал хорошую степень сохранности бересты, что позволило нам принять решение о частичной пластификации находки под воздействием пара. После чего сосуд подлежал подконтрольной термообработке. Для этого его поместили на пластиковый поддон рядом с двумя банками, наполненными кипятком. Прямой контакт воды и находки исключался. Пакет, куда поместили емкости с кипятком и находкой, имел застежку, вся эта конструкция дополнительно была помещена в пластиковый прозрачный контейнер с крышкой. С интервалами в 20–30 минут мы отмечали изменения состояния бересты. Через 40 минут береста набрала достаточное количество влаги. Это позволило в процессе работы полностью восстановить первоначальную форму сосуда. Одна из его боковых стенок отпала еще в древности в результате давления земли на верхнюю часть внутримогильной конструкции. Чтобы придать восстановившему форму сосуду прочность и вернуть упавшую стенку в ее первоначальное состояние, мы произвели профподклейку миколентной бумагой в виде трех узких полосок с одной из внешних стенок через дно сосуда к нижней части изгиба противоположной продольной стенки. Края профнаклеек мы не стали выводить на внешнюю сторону целой поперечной стенки по эстетическим соображениям. Именно этой стороной и планируется экспонирование предмета в Историко-краеведческом музее АлтГПУ. При выравнивании формы сосуда внутрь помещалась повторяющая ее объемная прямоугольная основа, которая предварительно оборачивалась полиэтиленом. В случае появления финансирования специалист без труда сможет провести полную реставрацию сосуда, так как все предварительные работы уже выполнены без нанесения повреждения изделию (рис. 3).

В ходе проведенных нами манипуляций выяснилось, что сосуд однослойный. Изготовлен из прямоугольного листа бересты размером 16×12 см, белой частью наружу. Лист снят с дерева весной. Перед сборкой он был предварительно очищен от белой части ножом. Сосуд изготовлен

Берестяной сосуд монгольского времени из урочища Раздумье (Верхнее Приобье)

путем поднятия на 3 см с четырех сторон стенок вверх с прижатием угловых заворотов к торцовым стенкам. После этого иглой были пробиты отверстия и сделано по два стежка для стяжки углов со стенками корпуса. В собранном виде сосуд имеет размеры 10×6×3 см (рис. 4, 2).

Анализ архивного снимка другого берестяного изделия, из погребения 1 могильника Раздумье-1, найденного в августе 1960 г., говорит о том, что, скорее всего, перед нами аналогичный описываемому в настоящей работе, сфотографированный с оборотной (донной) стороны (рис. 1, 3) сосуд. Вероятно, сосуды из погребений 1 и 3 аналогичны по конструкции. Описание и масштаб на снимке отсутствуют, но, учитывая, что этот, второй сосуд был внутри погребения, полагаем, что вряд ли эти изделия сильно отличались по размеру.

Обсуждение

Сосуды, подобные рассматриваемой емкости, зафиксированы в археологических памятниках Северо-Западной Сибири эпохи раннего железа: Усть-Полуй [Могрицкая, 2018, рис. 2]; эпохи средневековья: Шеркалы [Кениг и др., 2020]; и этнографической современности, XVIII в. [Визгалов, Кардаш, 2011, рис. 4]. Они сохранились с десятками других берестяных изделий разного типа и назначения благодаря вечной мерзлоте. Такие сосуды известны среди материалов чулымских тюрок и южных селькупов XVII в. [Боброва, Локтионова, 2019, рис. 4].

Абсолютно идентичные как по конструкции, так и по размерам берестяные вместилища происходят из погребений хантов XVII–XX в. При этом часть подобных берестяных коробок имели крышки с квадратным отверстием посередине, особенно те из них, что были обнаружены слева от головы погребенного [Рындина и др., 2008, с. 101]. Предполагается, что именно этим отверстием отличались ритуально используемые в погребальной практике емкости от бытовых.

Ближайшей по географии и хронологии аналогией емкости из погребения 3 урочища Раздумье-1 является более крупное по размерам вместилище, также относящееся к группе низких плоскодонных предметов, происходящее из погребения 5 могильника Калистратиха-3 (рис. 4, 6). При этом данный сосуд использовался вторично, в качестве части берестяной комбинированной подстилки внутри берестяного погребального короба [Грушин и др., 2015, с. 183, рис. 1]. Сохранившаяся часть этого сосуда имела размеры 25(?)×30×6 см. С торцовых частей он был дополнительно укреплен двумя широкими берестяными полосами. Кроме того, конструкция усиливалась ободом из деревянного прута с прошивкой, возможно, саргой (корень сосны) через край. Погребение из Калистратихи-3 датируется XIII–XIV вв.

Еще один подобный по конструкции сосуд XIII–XIV вв. происходит из Кемеровской области, из могильника Ур-Бедари, раскопки М.Г. Елькина. В собранном виде он имеет размеры 22×9×6 см (рис. 4, 2) [Илюшин, 2006, с. 159, рис. 1].

Поиск иных параллелей уводит в более ранние периоды истории региона. Так, еще несколько известных нам берестяных емкостей с аналогичной конструкцией происходят из ранне-средневековых памятников юга Западной Сибири.

Первый сосуд — из погребения 2 кургана 12 могильника Сростки-1 в Алтайском крае. Он был изготовлен из цельного куска бересты тем же способом, что и предыдущие [Тишкин и др., 2013, с. 105, рис. 1]. Сосуд имеет размеры 20×12×6 см (рис. 4, 3). Могильник датируется второй половиной IX — первой половиной X в. н.э.

Два других — из Кемеровской области, из погребения 3 кургана 8 могильника Озерки-1 [Васютин и др., 2012, рис. 37], эти сосуды почти одинаковые по размеру: 12×10,5×4 см и 15×7×3,5 см (рис. 4, 1). После раскопок изделия были зарисованы, их отвезли на консультацию реставраторам в Академгородок, а после возвращения в Кемерово они, видимо, были утрачены. Могильник датируется IX — первой половиной XI в. н.э.

Известны и более ранние экземпляры емкостей рассматриваемой разновидности. Один из них найден в погребении 1 кургана 7 гунно-сарматского времени могильника Дялян в Горном Алтае вместе с берестяным колчаном (рис. 4, 5). Размеры его 10×9×6 см (рис. 4, 6). Могильник датируется V–VI вв. н.э. [Тетерин, Пилипенко, 2017, с. 124].

Другой происходит из погребения 3 могильника Степной Чумыш-2, расположенного в Целинном районе Алтайского края [Ширин, 2003, табл. XLV, 3]. Берестяной предмет сохранился частично в обугленном состоянии. Размеры сохранившейся части 7–8(?)×6,5×4 см (рис. 4, 4). По мнению Ю.В. Ширинина, данное изделие выполняло функцию своего рода совка. Памятник датируется III–IV вв. н.э.

Определенные параллели рассматриваемым находкам можно усмотреть среди конструкций вместилищ, известных по разновременным археологическим памятникам сопредельных территорий. Например, в Хакасии, в могильнике таштыкского времени Черноозерье-2 [Готлиб, 2007,

рис. 24], датирующемся I–II вв. н.э., обнаружены подобного рода изделия. Еще два сосуда — круглый и прямоугольный выявлены в тесинском могильнике Барсучиха-1 II–I вв. до н.э. [Пшеницына, 1975, с. 160, рис. 3]. На севере Минусинской котловины берестяное вместилище с вложенными в него туесами обнаружено в могильнике тагарской культуры Березовский [Вадецкая, 1999, с. 58, рис. 31, 2]. Кроме того, в этом же регионе зафиксированы случаи помещения в берестяные емкости кладов, предположительно носящих ритуальный характер [Бородовский, Ларичев, 2013].

Берестяные сосуды типа «чуман» из погребений разных периодов с территории юга Западной Сибири

Birch bark vessels of the Chuman type, from burials of different periods in the territory of the south of Western Siberia

№	Археологический памятник	Регион	Размеры	Наличие пищевых остатков	Датировка
1	Раздумье-1	Алтайский край	1) 10×7×3 см 2) ? см	Остатки кашицы темного цвета	XIII–XIV вв.
2	Калистратиха-3	Алтайский край	25(?)×30×6 см	— Вторичное использование	XIII–XIV вв.
3	Ур-Бедари	Кемеровская область	22×9×6 см	Кости барана	XIII–XIV(?) вв.
4	Сростки-1	Алтайский край	10×10×6 см	Кости овцы	вторая пол. IX — первая пол. X в.
5	Озерки-1	Кемеровская область	1) 12×10,5×4 см 2) 15×7×3,5 см	—	IX — первая пол. XI в.
6	Дялян	Республика Алтай	10×9×6 см	Бело-розовое вещество	V–VI вв.
7	Степной Чумыш-2	Алтайский край	7–8(?)×6,5×4 см	—	III–IV вв.

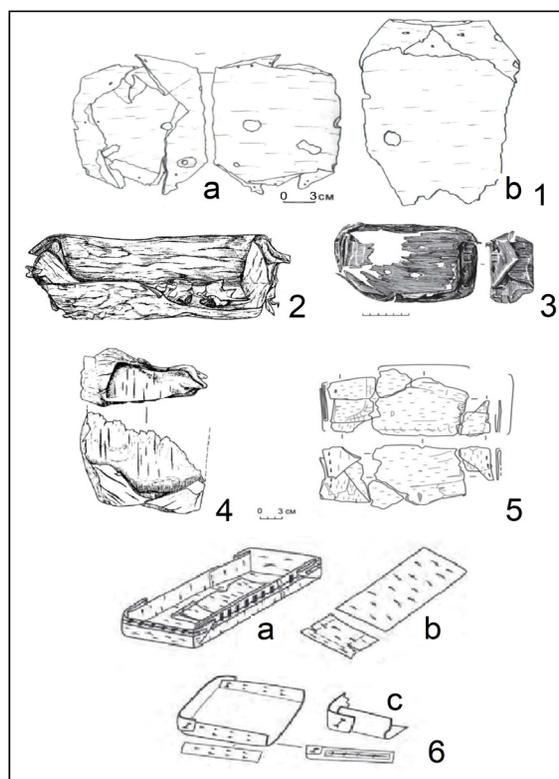

Рис. 4. Берестяные сосуды типа «чуман» из погребений разных периодов с территории юга Западной Сибири: 1 — Озерки-1 (а, б) (по: [Васютин и др., 2012, рис. 37]); 2 — Ур-Бедари (по: [Илюшин, 2006, рис. 1]); 3 — Сростки-1 (по: [Тишкин и др., 2013, рис. 1]); 4 — Степной Чумыш-2 (по: [Ширин, 2003, табл. XLV, 3]); 5 — Дялян (по: [Тетерин, Пилипенко, 2017]); 6 — Калистратиха-3 (по: [Грушин и др., 2015, рис. 1]).

Fig. 4. The birch bark vessels of a small cup type from the different time burials from the south territory of West Siberia.

Вместе с тем необходимо указать и на еще более раннюю достаточно широкую практику использования бересты населением Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа в оформлении своих погребальных комплексов. Береста применялась в качестве настила над перекры-

Берестяной сосуд монгольского времени из урочища Раздумье (Верхнее Приобье)

тием, подстилки на дне могильной ямы, покрытия тела погребенного (включая вторичные захоронения); из бересты изготавливались посуда, предметы культа и, возможно, головные уборы, помещаемые в захоронения. В частности, фрагмент берестяной поделки — круг, предположительно, от сосуда или коробочки выявлен на Новотроицком некрополе [Шульга и др., 2009, с. 42], есть аналогичные фрагментированные находки и на других памятниках.

Активное использование березы в обустройстве погребальных сооружений надежно зафиксировано и для других археологических культур региона. В пазырыкской культуре Горного Алтая береста применялась в качестве перекрытия погребальных срубов и колод, при оформлении средств передвижения, для изготовления украшений седел и колчанов, но находок берестяных сосудов пока неизвестно. Однако среди алтайских материалов есть уникальный сосуд раннего скифского времени из могильника Чесноково-1 [Шульга, 1998], реконструкция его осуществлена одним из авторов данной статьи [Пилипенко, 2015]. Самыми же древними находками берестяной посуды на территории Алтая можно считать изделия, выявленные в погребении афанасьевской культуры могильника Бертек-33, датированного концом III — началом II тыс. до н.э. [Савинов, 1994, с. 48].

Завершая этот небольшой сравнительно-исторический экскурс, необходимо отметить, что, несмотря на широкий территориальный и хронологический охват, все представленные сосуды прежде всего объединяют распространенность использованной для их изготовления сырьевой основы и простота технологического исполнения (пластовый метод).

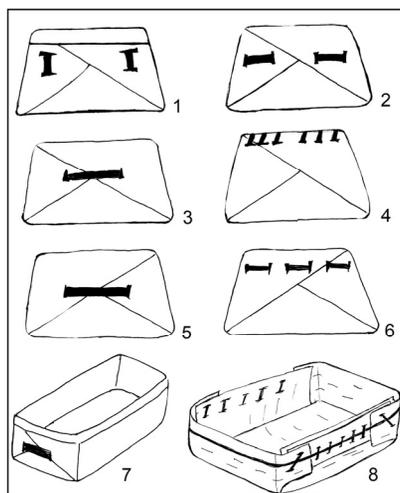

Рис. 5. Различные варианты сшивания торцевой части берестяных сосудов и погребальной конструкции типа «чуман» с территории юга Западной Сибири:

1 — Телеутский Взвоз-1, торец погребальной конструкции (по: [Грушин и др., 2004]; 2 — Сростки-1 (по: [Тишкин и др., 2013, рис. 1]), 3 — Степной Чумыш-2 (по: [Ширин, 2003, табл. XLV, 3]; 4 — Дялян (по: [Тетерин, Пилипенко, 2017]), Раздумье-1;

5 — Озерки-1 [Васютин и др., 2012, рис. 37]; 6 — Ур-Бедари (по: [Илюшин, 2006, рис. 1]);

7 — реконструкция общего вида сосудов с 1 по 6; 8 — реконструкция сосуда из п. 5 мог. Калистратиха-3 (реконструкция и рисунок С.А. Пилипенко) (по: [Грушин и др., 2015, рис. 1]).

Fig. 5. Different kind joining of the front-end part of birch bark vessels and funeral construction according to a small cup type from the south territory of West Siberia:

1 — Teleutskii Uphill Road-1, the shorter side of the funeral construction; 2 — Srostki-1; 3 — Stepnoi Chumysh-2; 4 — Dyalian, Razdumie-1; 5 — Ozerki-1; 6 — Ur-Bedari; 7 — the reconstruction of the vessels 1–6 overview; 8 — the reconstruction of the vessel from the burial 5, the burial ground Kalistratiha-3 (the reconstruction and the picture by S.A. Piliipenko).

Рассматривая конструктивные особенности сосудов, относящихся к разновидности низких плоскодонных по классификации Е.Г. Федоровой, следует обратить внимание на способы сшивания их сложных угловых элементов [Федорова, 1994, с. 77]. На важность технологического компонента при изучении берестяных изделий особо указала в одной из работ А.А. Локтионова [2014]. Казалось бы, при одинаковом сложении деталей шиты рассматриваемые емкости по-разному. Это можно объяснить различными периодами их бытования или отличиями культурных традиций, но важен сам факт поливариативности способов сшивания однотипных изделий (рис. 5). Всего нами выявлено шесть разновидностей сшивания торцевой части берестяных вместилищ. В одном случае (рис. 5, 1) это сшивание торцевой части берестяного погребального короба из могильника Телеутский Взвоз-1 [Грушин и др., 2004, рис. 1]. Особенностью этой погребальной кон-

струкции, выполненной в той же технике, что и изучаемые сосуды, является уникальным (на данный момент) способ крепления торца с прижиманием угловых заворотов конструкции к торцевой, а не к боковой стенке, как это отмечено нами у всех аналогичных погребальных конструкций с территории Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края [Грушин и др., 2004, с. 182; 2015; Пилипенко, 2017]. Все выявленные случаи сшивания торцовых частей берестяных сосудов имеют разные конструктивные акценты: по горизонтали (рис. 5, 2, 3, 5, 6), вертикали (рис. 5, 1) или с опорой на обод сосуда с прошивкой через край (рис. 5, 4) или чуть ниже (рис. 5, 5).

Интерпретация

Несмотря на то что сам материал изготовления берестяных сосудов прочно ассоциируется с одним из вариантов «вселенских» деревьев — березой и круговоротом жизни, связанным с ним, вероятно, назначение такого рода посуды в рамках погребальной церемонии было сугубо утилитарным. Сопроводительная пища нуждалась в определенном вместилище.

В ряде случаев в берестяной посуде рассматриваемого нами типа встречены остатки жертвенной или заупокойной пищи. Учитывая, что берестяная посуда встречается достаточно редко, сам факт фиксации пищевых остатков в ней весьма интересен. В сосуде из Раздутья, как уже отмечалось выше, А.П. Уманским зафиксированы «остатки кашицы темного цвета» [Уманский, 1987, с. 89]. К сожалению, образец ее не сохранился. В одновременном сосуде из могильника Ур-Бедари встречены «курдючные кости барана» [Илюшин, 2006, с. 160].

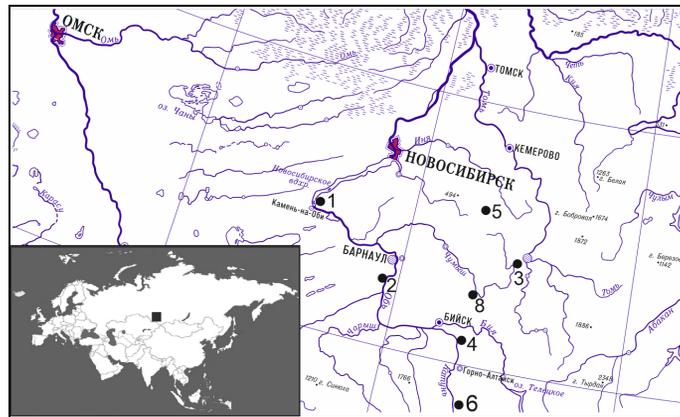

Рис. 6. Карта распространения берестяных сосудов типа «чуман» в памятниках разных периодов на территории юга Западной Сибири:

1 — Раздутье-1; 2 — Калистратиха-3; 3 — Ур-Бедари; 4 — Сростки-1; 5 — Озерки-1; 6 — Дялян.

Fig. 6. The distribution map of birch bark vessels of a small cup type in sites of different periods on the south territory of West Siberia.

В аналогичном сосуде из погребения 3 кургана 12 могильника Сростки-1 были встречены «кости овцы» [Горбунов и др., 2013, с. 106; Горбунов, Тишкин, 2014, с. 60; 2022, с. 98]. Этот памятник датируется более ранним периодом — второй половиной IX — первой половиной X в. н.э. Там же остатки пищи были встречены еще в одном раннесредневековом берестяном сосуде, но другого конструктивного типа, не рассматриваемого в этой статье, а именно в берестяном туеске, в классическом понимании этого термина (т.е. цилиндрическом сосуде небольшого размера). В этом отношении любопытно, что в погребении 1 кургана 1 могильника Яровское-V зафиксированы остатки туеска с шелухой зерен, образец которой к сожалению, не сохранился [Тишкин, Горбунов, 2000, с. 405–410; Горбунов, Тишкин, 2022, с. 98].

Судя по составленной нами таблице, в самом древнем сосуде этого типа с территории Горного Алтая, найденном в погребении 1 кургана 7 могильника Дялян гунно-сарматского времени, также отмечено некое бело-розовое вещество, которое после изучения элементного состава было отнесено к искусственным смесям, связанным с родильной и погребальной обрядностью [Лбова и др., 2018, с. 179].

Таким образом, берестяная посуда в погребальном пространстве выполняла свою основную функцию — служила емкостью, в которую помещалось приличествующее моменту содержимое. Так же как оно помещалось в другие однотипные по назначению объекты из иных органических и неорганических материалов (на деревянные подносы и ковши, блюда, сделанную из глины, кожи или рога посуду). В социальном плане объединяет все обозначенные нами погребальные комплексы то, что они не могут быть интерпретированы как элитарные, принадлежавшие богатым, состоятельным людям.

Заключение

Результаты проведенного нами анализа берестяного изделия из погребения 3 Раздумья-1 следующие. Были выявлены два ранее неизвестных науке берестяных сосуда из погребений 1 и 3 могильника Раздумье-1. Установлена морфология и осуществлена реставрация одного из них. Рассмотрены аналогии данному изделию и определен значительный по географии ареал берестяной посуды типа «чуман» на юге Западной Сибири (рис. 6): условно от г. Камня-на-Оби на западе (Раздумье-1) до Кемеровской области на востоке (Ур-Бедари, Озерки-1) и от Барнаула на севере (Калистратиха-3, Сростки-1) до Горного Алтая (Дялян) на юге — в период с III по XVIII в. н.э. Бытование этого типа берестяных вместилищ зафиксировано для этих же территорий и в этнографическую современность на рубеже XIX–XX вв. [Федорова, 1994, с. 82–83], что отражает неразрывность технологических и бытовых традиций населения юга Западной Сибири на значительном временном отрезке. Вероятно, «секрет» такого многовекового долголетия вместилищ типа рассматриваемой нами емкости заключается в простоте их изготовления и преимущественности архаичных технологических стереотипов в обработке распространенных и широкодоступных материалов в среде народов, проживавших на одной и той же территории, даже при полной археологической смене этноса или культуры.

Благодарности. Авторы выражают признательность за предоставленные фото урочища Раздумья и находок 1960 г. сотруднику МБУК «Каменский районный краеведческий музей» М.Р. Ивановой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боброва А.И., Локтионова А.А.* Технологические приемы изготовления берестяных изделий чулымских тюрков и южных селькупов в XVII в.: (Археолого-этнографический анализ) // Урало-алтайские исследования. 2019. № 2 (33). С. 7–15.
- Бородовский А.П., Ларичев В.Е.* Юсский клад: (Каталог коллекции). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. 440 с.
- Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С.* Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI в. н.э.: Природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: Изд-во ОФСЕТ, 2012. 213 с.
- Визгалов Г.П., Кардаш О.В.* «Остяцкая усадьба» в посаде города Березова XVIII в. (по материалам археологических исследований 2008 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 87–97.
- Грушин С.П., Пилипенко С.А., Бельгибаев Е.А.* Берестяной короб из могильника Телеутский Взвоз-I: Опыт археолого-этнографической реконструкции // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск: Наука, 2004. С. 182–185.
- Грушин С.П., Фролов А.В., Пилипенко С.А.* Берестяная погребальная конструкция монгольского времени из грунтового могильника Калистратиха 3 (Верхнее Приобье) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 182–188.
- Горбунов В.В., Ситдииков А.Г., Тишкин А.А.* Новые результаты изучения курганного могильника Сростки-I в Бийском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 102–107.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Курганный могильник Сростки-I: История изучения и современные исследования // Известия АлтГУ. История. Политология. 2014. № 4/2 (84). С. 54–67. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.2-07](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.2-07)
- Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.
- Готлиб А.И.* Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерье II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакасо-Минусинского края. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. С. 8–38.
- Грушин С.П., Фролов Я.В., Пилипенко С.А.* Берестяная погребальная конструкция монгольского времени из грунтового могильника Калистратиха-3 (Верхнее Приобье) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 181–185.
- Демин М.А.* Алексей Павлович Уманский и мемориализация его наследия (к 100-летию со дня рождения) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2023. Вып. 18. С. 4–13.
- Илюшин А.М.* Уникальные находки посуды в средневековых древностях Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. № 4 (55). С. 159–162.
- Кениг А.В., Зайцева Е.А., Родионова А.В., Пархимович С.Г., Липс С.А.* Городище Шеркалы 1: Страницы истории и новые открытия // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 188–197. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-1-188-197>
- Кочешков Н.В.* Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: Проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1997. 173 с.
- Лбова Л.В., Тетерин Ю.В., Митько О.А., Половников И.С., Губар Ю.С.* Элементный состав сухой смеси из могильника Дялян (хунно-сарматское время, Горный Алтай) // Universum Humanitarium. 2018. № 1. С. 169–181. <https://doi.org/10.25205/2499-9997-2018-1-169-181>

- Локтионова А.А. О способах классификации берестяной утвари народов Западной Сибири // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. Вып. 1 (3). С. 108–114.
- Могрицкая В.Ю. Орнаментированные берестяные изделия Усть-Полуя (I в. до н.э. — I в. н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 1. С. 51–58.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.
- Пилипенко С.А. Реконструкция раннескифского берестяного сосуда с бронзовыми заклепками из предгорий Степного Алтая // Ранний железный век от архаики до рубежа эр. Центры, периферии и модели культурных взаимодействий: Материалы тематич. науч. конф. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 83–87.
- Пилипенко С.А. Новое средневековое погребение из многослойного грунтового могильника Кротовский елбан в Сузунском районе Новосибирской области // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2017. Вып. XXIII. С. 130–135.
- Пилипенко С.А., Жадаева А.В., Башмакова К.Е. Предварительные результаты изучения деталей одежды древнетюркского времени из кургана №19 могильника Сапогово с территории Кузбасса // Сборник материалов VII Всерос. Нижневолж. археол. конф. Астрахань: Изд. Сорокин Роман Васильевич, 2023. С. 123–129.
- Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского типа // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 150–162.
- Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И. Ханты Салымского края: Культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 412 с.
- Савинов Д.Г. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск: Наука, 1994. С. 39–49.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох: (Басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
- Тетерин Ю.В., Пилипенко С.А. Берестяное изделие хунно-сарматской эпохи могильника Дялян (Горный Алтай) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2017. Т. 16. № 7: Археология и этнография. С. 117–124. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2017-16-7-117-124>
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. VI. С. 405–410.
- Тишкин А.А., Грушин С.П. Захоронение ребенка в берестяном коробе на могильнике Телеутский Взвоз-1 в Алтайском Приобье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 466–467.
- Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 208 с.
- Тишкин А.А., Ситдииков А.Г., Горбунов В.В. Новые результаты изучения курганного могильника Сrostки-1 в Бийском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 102–107.
- Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1987. С. 81–100.
- Федорова Е.Г. Берестяная утварь народов Сибири: Конец XIX — первая половина XX в. // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб.: Наука, 1994. С. 76–119.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э.: (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая. 1998. Вып. 3. С. 58–69.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Golovchenko N.N.^{a,*}, Pilipenko S.A.^b

^a Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation

^b Novosibirsk State University of Economics and Management

Lomonosova st., 56, Novosibirsk, 630007, Russian Federation

E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru (Golovchenko N.N.); Pilipenkosergej@mail.ru (Pilipenko S.A.)

Birch bark vessel from the Razdumie area

The article presents the birch bark item, found by A.P. Umanskiy during the field study of the ground burial 3 of the ancient settlement of Razdumie-1, Kamenskii District, Altai Krai. The burial has been dated to the Mongol period (13th–14th centuries). The aim of this proposed research is to examine and to present the reconstruction of the birch bark item (a small cup vessel) originated from the ground burial 3 of Razdumie-1 site, stored in the col-

* Corresponding author.

Берестяной сосуд монгольского времени из урочища Раздумье (Верхнее Приобье)

lection of the Museum of Local History of Altai State Pedagogical University. The relevance of referring to the above-mentioned, partially published before material is due to the rarity of the surviving birch bark items from burial complexes of the Upper Ob region of different periods, and also due to the limited practice of their reconstruction and interpretation. In the course of the research and pre-restoration work, the authors for the first time accurately defined the shape, size and the technological characteristics of the vessel. An archival photograph of the same type of artifact from burial 1 of Razdumie-1, explored by A.P. Umanskii in 1960, has been discovered. Having considered a wide range of similarities to the item, the authors came to the conclusion that, despite a wide territorial and chronological coverage, vessels of this type are primarily united by the prevalence of the raw materials used for their manufacture and the simplicity of technological performance (layer method). At the same time, the authors specifically note the variety of methods of sewing birch bark vessels identified in the burial complexes of different periods in the south of Western Siberia. Having analysed the contents of birch bark vessels of a small cup type, the authors conclude that, within the burial space, they served as a receptacle for various substances from, possibly, cosmetic potions (during the Hun-Sarmatian period) to funeral meals in all subsequent periods, irrespective of the sex of the buried person and the variety of the construction of birch bark ware. The authors cautiously suggest that in cases where the examined burials do not contain traces of the vessels themselves, despite the presence of leftovers of funeral meals, it should be assumed a priori that these were present, and their absence is rather related to the poor preservation of organic matter in the climatic conditions of the Upper Ob area.

Keywords: Upper Ob area, Mongol time, Razdumie area, birch bark vessel, funeral rites.

Acknowledgment. The authors appreciate M.R. Ivanova, the worker of Municipal Budget Institution of Culture “Kamenskiy District Museum of Local History”, for the given photos of landscape unit Razdumie and the finds of 1960.

REFERENCES

- Bobrova, A.I., Loktionova, A.A. (2019). Technological methods of making birch bark products of the Chulyum Turks and southern Selkups in the XVII century: (Archaeological and ethnographic analysis). *Uralo-Altayskie issledovaniya*, (33), 7–15. (Rus.).
- Borodovskii, A.P., Larichev, V.E. (2013). *Iyus Hoard: (Collection catalog)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Demin, M.A. (2023). Alexey Pavlovich Umansky and the memorialization of his legacy (to the 100th anniversary of his birth). *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtyshie i na Altae (arkheologia, etnografia, ustnaia istoria i muzeevedenie)*, (18), 4–13. (Rus.).
- Fedorova, E.G. (1994). Birch bark utensils of the peoples of Siberia: The end of the XIX — the first half of the XX century. *Pamiatniki material'noi kul'tury narodov Sibiri*. St. Petersburg: Nauka, 76–119. (Rus.).
- Gorbunov, V.V., Sitdikov, A.G., Tishkin, A.A. (2013). New results of the study of the Srostki-I burial mound in the Biysk district of the Altai Territory. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledia Altaia*, (18–19), 102–107. (Rus.).
- Gorbunov, V.V., Tishkin, A.A. (2014). Kurgan burial ground Srostki-I: history of study and modern research. *Izvestia AltGU. Istorica. Politologia*, (84), 54–67. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.2-07](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.2-07)
- Gorbunov, V.V., Tishkin, A.A. (2022). *Mounds of the Srostkin culture on the Priobsky plateau*. Barnaul: Izd-vo AltGU. (Rus.).
- Gotlib, A.I. (2007). Longline burials of the Tashtyk burial ground Chernoozerye II in Khakassia. In: *Tashtytskie pamiatniki Hakaso-Minusinskogo kraia*. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 8–38. (Rus.).
- Grushin, S.P., Pilipenko, S.A., Belgibaev, E.A. (2004). Birch bark box from the burial ground Teleutsky Vzvoz-I: The experience of archaeological and ethnographic reconstruction. In: *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Almaty; Omsk: Nauka, 182–185. (Rus.).
- Grushin, S.P., Frolov, Ya.V., Pilipenko, S.A. (2015). Birch bark burial structure of the Mongolian period from the underground burial ground Kalistratikha-3 (Upper Ob region). In: *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Barnaul; Omsk: Nauka, 181–185. (Rus.).
- Ilyushin, A.M. (2006). Unique finds of tableware in medieval antiquities of the Kuznetsk basin. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (55), 159–162. (Rus.).
- Koenig, A.V., Zaitseva, E.A., Rodionova, A.V., Parkhimovich, S.G., Lips, S.A. (2020). The settlement of Sherkaly 1: Pages of history and new discoveries. *Vestnik ugrovedeniya*, (10), 188–197. (Rus.). <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-1-188-197>
- Kocheshkov, N.V. (1997). *Turko-Mongols and Tunguso-Manchus: Problems of historical and cultural relations based on the material of folk decorative art of the XIX–XX centuries*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Lbova, L.V., Teterin, Yu.V., Mitko, O.A., Polovnikov, I.S., Gubar, Yu.S. (2018). The elemental composition of a dry mixture from the Dyalyan burial ground (Hunno-Sarmatian time, Gorny Altai). *Universum Humanitarium*, (1), 169–181. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/2499-9997-2018-1-169-181>
- Loktionova, A.A. (2014). On the methods of classification of birch bark utensils of the peoples of Western Siberia. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, (3), 108–114. (Rus.).
- Mogritskaya, V.Y. (2018). Decorated birch-bark Artifacts from the Ust-Polui sanctuary (100 BC to 100 AD). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 46(1), 51–58. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2018.46.1.051-058>
- Molodin, V.I., Solovyov, A.I. (2004). *Monument Sopka-2 on the Om' River. Vol. 2: Cultural and chronological analysis of burial complexes of the Middle Ages*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Pilipenko, S.A. (2015). Reconstruction of an early Scythian birch bark vessel with bronze rivets from the foothills of the Steppe Altai. *Rannii zheleznyi vek ot arkhaiski do rubezha er: Tsentry, periferii i modeli kul'turnykh vzaimodeistvii*. St. Petersburg: Scifia-print, 83–87. (Rus.).

Pilipenko, S.A. (2017). A new medieval burial from a multi-layered ground burial ground Krotovsky elban in the Suzunsky district of the Novosibirsk region. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledia Altaia*, (23), 130–135. (Rus.).

Pilipenko, S.A., Zhadaeva, A.V., Bashmakova, K.E. (2023). Preliminary results of studying the details of clothing of the ancient Turkic period from kurgan No. 19 of the Sapogovo burial ground from the territory of Kuzbass. *Sbornik materialov VII Vserossiiskoi Nizhnevolzhskoi arkheologicheskoi konferentsii*. Astrakhan': Izdatel' Sorokin Roman Vasil'evich, 123–129. (Rus.).

Pshenitsyna, M.N. (1975). The third type of monuments of the Tesin type. In: *Pervobytnaia arkheologia Sibiri*. Leningrad: Nauka, 150–162. (Rus.).

Ryndina, O.M., Bobrova, A.I., Ozheredov, Yu.I. (2008). *Khanty of the Salym region. Culture in an archaeological and ethnographic retrospective*. Tomsk: Tomskii universitet.

Savinov, D.G. (1994). Bertek-33 burial ground. In: *Drevnie kul'tury Bertekskoi doliny (Gornyi Altai, ploskogor'e Ukok)*. Novosibirsk: Nauka, 39–49. (Rus.).

Savinov, D.G., Novikov, A.V., Roslyakov, S.G. (2008). *Upper Ob region at the turn of the epochs: (Basandaike culture)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).

Shirin, Yu.V. (2003). *The Upper Ob region and the foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the I millennium AD (Funerary monuments of the Fominskaya culture)*. Novokuznetsk: Kuznetsk Fortress. (Rus.).

Shulga, P.I. (1998). Early Scythian burial on the Charysh river from the Chesnokovo-1 burial ground. *Drevnosti Altaia*, (3), 58–69. (Rus.).

Shulga, P.I., Umanskii, A.P., Mogilnikov, V.A. (2009). *Novotroitsky necropolis*. Barnaul: Izd-vo AltGU. (Rus.).

Teterin, Yu.V., Pilipenko, S.A. (2017). Birch bark product of the Hunno-Sarmatian era of the Dyalyan burial ground (Gornyi Altai). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Istoria, Filologia*, (16), 117–124. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2017-16-7-117-124>

Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V. (2000). The results of the study of the mounds of the Srostkin culture on the Priobsky plateau. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, (4), 405–410. (Rus.).

Tishkin, A.A., Grushin, S.P. (2002). Burial of a child in a birch bark box at the Teleutsky Vzvoz-I burial ground in the Altai region. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, (8), 466–467. (Rus.).

Tishkin, A.A. (2009). *Altai in the Mongol period (based on the materials of archaeological sites)*. Barnaul: Izd-vo AltGU. (Rus.).

Tishkin, A.A., Sitdikov, A.G., Gorbunov, V.V. (2013). New results of the study of the Srostki-1 burial mound in the Biysk district of the Altai Territory. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledia Altaia*, (18–19), 102–107. (Rus.).

Umanskii, A.P. (1987). Archaeological sites of the Razdumye tract. In: *Arkheologicheskie issledovaniia na Altae*. Barnaul: Izd-vo AltGU, 81–100. (Rus.).

Vadetskaia, E.B. (1999). *The Tashtyk Epoch in the ancient history of Siberia*. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedenie. (Rus.).

Vasyutin, A.S., Vasyutin, S.A., Onishchenko, S.S. (2012). *Kaltyshinsky archaeological microdistrict at the end of the VIII — first half of the XI century A.D.: Nature and culture (steppe Prislalair region)*. Kemerovo: OFSET. (Rus.).

Vizgalov, G.P., Kardash, O.V. (2011). "The Ostyak manor house" in Berezovo posad of XVIII century (after archaeological investigations in 2008). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (14), 87–97. (Rus.).

Головченко Н.Н., <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

Пилипенко С.А., <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>

Сведения об авторах:

Головченко Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул.

Пилипенко Сергей Алексеевич, преподаватель, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск.

About the authors:

Golovchenko, N.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul.

Pilipenko, S.A., Lecturer, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.10.2024

Article is published: 15.06.2025